

ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ (ЛАГЕРНОЙ) ЮСТИЦИИ (1930–1950-е гг.)

© 2022 Д. Н. Шкаревский

Сургутский государственный университет

E-mail: shkarden@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме. На основе архивных источников автор анализирует деятельность органов пенитенциарной (лагерной) юстиции в 1930–1950-е годы. Выделены причины формирования и этапы деятельности данных органов юстиции. Определены источники обновления кадров. Автор делает вывод об асимметричном характере этой системы. Среди характерных черт деятельности органов пенитенциарной юстиции автор называет отсутствие юридически закреплённого статуса в опубликованном законодательстве и организацию их деятельности на основе принципов кампанийского правосудия. Установлена неустойчивость компетенции органов пенитенциарной (лагерной) юстиции. Определено количество осуждённых данными органами юстиции. Выявлены основные категории преступлений, рассматриваемых пенитенциарными судами.

Ключевые слова: советская юстиция, советский суд, специальные суды, лагерные суды, пенитенциарная юстиция.

Цитирование: Шкаревский Д. Н. Органы советской пенитенциарной (лагерной) юстиции (1930–1950-е гг.) // Государство и право. 2022. № 11. С. 174–181.

DOI: 10.31857/S102694520018373-1

THE SOVIET PENITENTIARY (CAMP) JUSTICE (1930–1950s)

© 2022 D. N. Shkarevsky

Surgut State University, Surgut

E-mail: shkarden@mail.ru

Received 27.01.2022

Abstract. The article is devoted to a little-studied topic. In this article highlights the reasons for the formation and stages of the activities of these justice bodies, and also identifies the sources of personnel renewal. The author draws a conclusion about the asymmetric nature of this system. Among the characteristic features of the activities of the penitentiary justice bodies, the author names: the lack of a legally fixed status in the published legislation and the organization of their activities on the basis of the principles of campaign justice. The stability of the competence of the bodies of penitentiary (camp) justice has been established. The number of those convicted by these bodies of justice is determined. The main categories of crimes considered by penitentiary courts are identified.

Key words: Soviet justice, Soviet court, special courts, camp courts, penitentiary justice.

For citation: Shkarevsky, D. N. (2022). The Soviet penitentiary (camp) justice (1930–1950s) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 174–181.

Всплеск научного интереса к изучению советской судебной и пенитенциарной систем наблюдался в 1990–2000-е гг. В течение второго десятилетия XXI в. количество работ в рамках данной тематики несколько поубавилось. Однако в современных условиях завершения периода либеральных реформ все большую практическую значимость приобретает объективное изучение советского опыта строительства судебной и пенитенциарной систем с целью недопущения ранее совершенных просчетов.

Существование советской юстиции отличалось большим количеством различных экспериментов. Одним из них являлось создание органов пенитенциарной (лагерной) юстиции в середине 1930–1950-х гг. В СССР существовало несколько форм организации рассмотрения преступлений, совершенных в местах заключения. Первоначально такие дела разрешались в дисциплинарном, административном и внесудебном порядке. С конца 1934 г. начинается создание отделений краевых, областных и главных судов при лагерях НКВД. Это была попытка оформления органов лагерной юстиции в составе органов общей юстиции¹. С 1938 г. их переименовали в постоянные сессии областных судов в лагерях.

В декабре 1944 г. началось создание органов пенитенциарной юстиции на основании не опубликованного Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об организации специальных лагерных судов»². Однако их статус не был закреплен в Конституции СССР и в Законе СССР от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»³.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1954 г. и Распоряжению Совета Министров СССР от 30 апреля 1954 г. лагерные суды были упразднены. По настоянию МВД до 1959 г. в отдаленных и крупных лагерях сохранялись постоянные сессии соответствующих краевых и областных судов и верховных судов АССР для рассмотрения лагерных дел.

Несмотря на пристальный интерес исследователей к проблемам развития советской пенитенциарной системы, данная тема не получила развития в исторических и историко-правовых исследованиях. В советский период исследователи обходили вниманием данную тему. Даже в фундаментальной работе М. В. Кожевникова не упоминается о существовании пенитенциарных (лагерных) судов⁴. Ряд современных авторов также обходят вниманием их деятельность⁵. Лишь в начале 2000-х гг. появились работы Г. М. Ивановой⁶ и А. Я. Кодинцева⁷, посвященные данной проблематике. Опубликованы работы о деятельности конкретных лагерных судов, подготовленные на

материалах региональных архивов⁸. Отдельные проблемы борьбы с преступностью в местах заключения описаны в статьях М. Перлик⁹, В. Самарина¹⁰, А. Сидоркина¹¹. За рубежом авторы, как правило, не упоминают о существовании этих судов¹².

Основные задачи данной работы состоят в том, чтобы выделить этапы развития и определить характерные черты деятельности органов пенитенциарной юстиции.

Отделения краевых, областных и главных судов при лагерях НКВД, получившие в делопроизводственной документации название «лагерные суды», были созданы на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г.¹³ По мнению О. Хлевнюка, инициатором их создания выступил Г. Ягода¹⁴.

Очевидно, что основными причинами для принятия такого решения послужили: высокая численность спецконтингента; слабость администрации в местах заключения, что создавало угрозу выполнению экономических планов; стремление руководства государства иметь дополнительный канал получения информации о ситуации в местах заключения; необходимость оперативного рассмотрения дел в этих учреждениях.

Данные органы юстиции создавались не по территориальному принципу, а в соответствии с дислокацией пенитенциарных учреждений, т. е. на основе экстерриториального принципа. Они были сформированы на кадровой и материальной базе спецколлегий¹⁵. К 1936 г. источники пополнения кадрового состава лагерных судов несколько изменились. Большую часть сотрудников спецколлегий

⁸ См.: Федин С. А., Федина К. С. Из истории специальных лагерных судов в 1944–1954 гг. (по материалам архивов Астраханской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: материалы VII студенческой Междунар. заочной науч.-практ. конф. (24 января 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 37–44.

⁹ См.: Перлик М. И. Особенности привлечения к уголовной ответственности заключенных, участвовавших в массовых неповиновениях в исправительно-трудовых лагерях послевоенного времени // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2017. № 4. С. 129–132.

¹⁰ См.: Самарин В. А. Противодействие внутрилагерному бандитизму и массовым беспорядкам в местах лишения свободы во второй половине 40–50-х гг. XX в. // Профессиональное образование и наука. 2020. № 1. С. 66–72.

¹¹ См.: Сидоркин А. И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950-е гг. // Lex russica. 2015. № 5. С. 99–109.

¹² См.: Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. No. 3. Vol. 46. P. 403–425; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008; Berg G. P. von den The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985; Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington, 1968.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 6. Л. 22; см. также: Шкаревский Д. Н. Формирование лагерной юстиции в СССР в 1930-е годы // Государство и право. 2015. № 8. С. 107–109.

¹⁴ См.: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 129, 130.

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 7. Л. 1; см. подр.: Шкаревский Д. Н. Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг. // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 257–265.

¹ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 6. Л. 22.

² См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 39.

³ См.: Ведомости СССР. 1938. № 11.

⁴ См.: Кожевников М. В. История советского суда. М., 1948.

⁵ См.: Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибулин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений: учеб. пособие. Уфа, 1993.

⁶ См.: Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

⁷ См.: Кодинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41–46.

и лагерных судов стали составлять бывшие сотрудники органов НКВД (их доля оценивалась в 50%).

К 1 октября 1935 г. по РСФСР было организовано 12 лагерных судов, к началу 1937 г. — 13. Штаты судов были укомплектованы не полностью: в 1935 г. — на 80%, в 1936 г. — на 43,6%, в 1937 г. — на 80%. Такие колебания объясняются проведением чистки в 1936–1937 гг. Так, В.Н. Манцев отмечал: «В этих весьма ответственных звеньях судебных органов, выявлены единичные контрреволюционные элементы — двурушники, примыкавшие к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банде убийц — реставраторов капитализма, скрывавшие свою преступную деятельность (Ленинград, Азово-Черноморский край)»¹⁶. В результате обследования летом–осенью 1939 г. Прокуратурой СССР работы Дальстрой выяснилось, что УНКВД были репрессированы все члены лагерного суда¹⁷.

Создание сети органов пенитенциарной юстиции во второй половине 30-х годов не привело к формированию унифицированной судебной практики. Лагерные дела продолжали рассматриваться спецколлегиями, народными судами, внесудебными органами. Следует отметить и существование лагерных судов с более высоким статусом. Например, лагерному суду при Дальстрое была определена более широкая компетенция. Он имел право рассматривать не только уголовные, но и гражданские дела. Порядок рассмотрения дел отличался большей строгостью. Интересен кадровый состав данного суда: председатель — начальник отдела НКВД по Дальстрою П.Н. Куцерубов, члены суда — начальник лагеря И.Г. Филиппов и начальник политотдела Орлов¹⁸. Таким образом, система органов пенитенциарной юстиции изначально создавалась как асимметричная, а деятельность части этих органов контролировалась НКВД.

Образовательный уровень судей был низким. Доля лиц с высшим юридическим образованием и окончивших высшие юридические курсы в 1937 г. составляла 9,8%.

В 1938 г. отделения краевых, областных и главных судов при лагерях НКВД были переименованы в постоянные сессии областных судов в лагерях. Сессии сохранили свой аппарат и делопроизводство.

С началом Великой Отечественной войны лагерные дела в местностях, объявленных на военном положении, были переданы на рассмотрение военным трибуналам войск НКВД. В качестве примера можно привести Дальстрой (Постановление ГКО от 06.07.1941 г. № 38).

Количество дел, рассматриваемых в лагерных судах во второй половине 30-х — начале 40-х годов, было достаточно большим. Так, по РСФСР в лагерные суды поступило в 1935 г. 13 338 дел, в 1936 г. ими было рассмотрено 17 858 дел. В 1937 г. количество дел, рассмотренных пенитенциарными судами, несколько снизилось. Это объясняется передачей дел на рассмотрение внесудебных органов.

Суды не выдерживали установленные сроки рассмотрения дел. Более половины дел рассматривалось в срок свыше трех дней. Основную массу составляли *дела о побегах* (ст. 82 УК РСФСР), *о бандитизме* (ст. 59–3 УК РСФСР),

разбое (ст. 167 УК РСФСР), по *Закону от 7 августа 1932 г., ст. 58–10 УК РСФСР* (пропаганда). Количество дел по данным преступлениям составляло более 50%.

Отметим, что имела место существенная разница между данными органами по характеру совершаемых преступлений. Так, в первом полугодии 1936 г. дела о побегах составляли по Бамлагу, Сиблагу, Темлагу более 50%. При этом доля «прочих» преступлений в этих лагерях составляла всего 15–20%. Иной была ситуация в Дмитлаге, Белбалтлаге, Свирилаге. Здесь доля «прочих» преступлений, соответственно, составляла более 50%. Доля же дел о побегах была не большой. Объяснялось это удаленностью лагерей (в наиболее отдаленных побеги отмечались чаще) и состоянием дисциплины¹⁹.

Судебная практика по рассмотренным делам была суровой. Совокупная доля приговоренных к высшей мере наказания и лишению свободы сроком на 10 лет в 1935 г. составляла более 60%.

На практике были широко распространены отступления от норм процессуального права. Для обозначения данного явления в сленге советских юристов появился термин «упрощенчество». Ряд таких отступлений санкционировался секретными распоряжениями. Например, в августе 1936 г. Н. Крыленко и А. Вышинский предложили вызов лиц, отбывающих наказание в лагерях, как правило, не практиковать²⁰. Ряд процессуальных отступлений не были узаконены. Например, была распространена практика поручения проведения следственных действий заключенным²¹.

Лагерные суды действовали на основе организации уголовно-правовых кампаний. Это подтверждает рост и последующее резкое снижение количества осужденных по отдельным видам преступлений. Так, если в первом полугодии 1941 г. по ст. 58–14 УК РСФСР было осуждено 593 человека, то в первом полугодии 1942 г. — 1969²². Затем последовало резкое снижение.

В течение Великой Отечественной войны отмечается изменение характера поступивших дел. Уменьшилось поступление дел по ст. 59–3 (бандитизм), ст. 167 (разбой) и по Закону от 7 августа 1932 г. Увеличилось поступление дел по ст. 116, 162 (расхищение вверенных материальных ценностей), 109 (злоупотребление властью или служебным положением), 58–10 (антисоветская пропаганда или агитация), 58–4 (оказание помощи международной буржуазии)²³.

В этот период особое значение приобрели дела об освобождении заключенных и направлении их в действующую армию. Всего за 1941–1944 гг. из мест заключения в Красную Армию было передано более 1 млн человек²⁴.

Основными источниками поступления дел являлись: Коми АССР (три лагеря: Ухтижемлаг, Воркутлаг, Устьвымлаг), Свердловская область (шесть лагерей: Ивдельлаг, Богословлаг, Тагиллаг, Тавдинсклаг, Севураллаг, Востокураллаг), Молотовская область (Усольлаг), Новосибирская область (Сиблаг), Кировская область (Вятлаг) и др.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 24. Л. 26об. — 27.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 1. Л. 84.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 24. Л. 25.

²² См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 182. Л. 86–89об.

²³ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 86. Л. 2.

²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л. 21.

¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 24. Л. 1–3.

¹⁷ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х гг. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 360.

¹⁸ См.: Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 72.

Деятельность большинства органов пенитенциарной юстиции в этот период оценивалась как неудовлетворительная. Среди типичных ошибок назывались: «нарушение гарантированных законом прав подсудимого», «неосновательное привлечение и осуждение», «поверхностное изучение дела», «неправильная оценка и квалификация преступления», назначение «чрезмерных мер наказания», «вынесение неправильных оправдательных приговоров и назначение мягких мер наказания»²⁵.

Деятельность органов пенитенциарной юстиции отличала неустойчивость их компетенции. Она изменялась в основном секретными и подзаконными нормативными актами. Так, в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1940 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов» личный состав ВОХР был передан в подсудность общих судов. Однако в 1942 г. эти дела вновь передали в подсудность лагерных судов.

Итак, деятельность органов пенитенциарной юстиции в рассматриваемый период соответствовала принципам кампанийского правосудия, т.е. организации судебных кампаний по тем или иным преступлениям. Компетенция данных органов не была устойчивой. В зависимости от позиции руководства государства она могла быть расширена или сокращена. Объемы работ, выполняемых данными органами юстиции, можно оценить как достаточно большие. Имеющихся штатных единиц явно не хватало для качественного и оперативного рассмотрения дел. К этому следует добавить низкий уровень юридической подготовки судебных работников. В результате наблюдались существенные различия в судебной практике. Средние показатели работы органов пенитенциарной юстиции явно не устраивали центральное руководство.

30 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об организации специальных лагерных судов». Инициаторами их создания выступили заместитель наркома внутренних дел В. Чернышев, нарком юстиции Н. Рычков, Прокурор СССР К. Горшенин при поддержке Л. Берия.

Основными причинами их создания послужили названные выше факторы, так как ситуация в местах заключения не изменилась. К их числу следует добавить стремление руководства государства повысить уровень секретности о советской пенитенциарной системе на фоне военных успехов.

Решение о создании специальных лагерных судов было принято поспешно, без анализа существующего положения. Только в январе—марте 1945 г. Наркомат юстиции провел анализ потребности в этих учреждениях, было составлено несколько проектов реформы. В итоге принимается решение о создании 105 лагерных судов. Контроль и руководство за их деятельностью поручались Судебной коллегии по делам лагерных судов в составе Верховного Суда СССР и Управлению лагерных судов (Управлению по делам лагерных судов) в составе Наркомата юстиции СССР²⁶.

Планируемых показателей достичь не удалось: в 1945 г. их насчитывалось 49, в 1948 г. — 60, в 1949—1951 гг. — 77, в 1953 г. — 70, в 1954—1956 гг. — 39²⁷. Это объясняется тем, что

создавались они на основе экстерриториального принципа с учетом численности спецконтингента мест заключения.

Их создание происходило в сложных условиях. Вновь назначенным руководителям приходилось решать вопросы материально-технического обеспечения (от поиска помещений и транспорта до печатных машинок и канцелярской бумаги), подбирать кадры и успевать рассматривать поступающие дела.

Создание новой ветви советской юстиции происходило в обстановке острой аппаратной борьбы, развернувшейся в органах государственной власти в послевоенные годы. В 1945—1948 гг. произошло столкновение двух групп (кланов) в советском руководстве: Н. Рычкова и И. Голякова, с одной стороны, и Л. Мехлиса, А. Бакакина, А. Кузнецова, С. Дукельского — с другой. В результате происходила частая смена руководителей Управления по делам лагерных судов. Победу одержали представители второй группы. Н. Рычкова и И. Голякова сменили К. Горшенин и А. Волин, выступавшие против существования органов пенитенциарной юстиции.

Правовое регулирование деятельности лагерных судов было не совершенным. Их компетенция не была четко определена. Указом от 30 декабря 1944 г. к их подсудности были отнесены все дела о преступлениях, совершенных в ИТЛ и колониях НКВД (т.е. уголовные дела), за исключением дел о преступлениях сотрудников НКВД, имеющих офицерские звания. В связи с этим Наркомат юстиции вынужден был неоднократно давать разъяснения по данному вопросу²⁸. Только за период с 1945 г. по февраль 1948 г. Управлением лагерных судов было направлено 75 общих указаний (секретных и не секретных).

Создаваемая система приобрела асимметричный характер. Продолжали действовать военные трибуналы войск НКВД (МВД) при ИТЛ. К примеру, военный трибунал войск НКВД (МВД) при Дальстрое существовал вплоть до октября 1953 г., и лагерный суд здесь не был создан. Кроме того, отличался статус органов пенитенциарной юстиции при специальных строительствах МВД. Для них была определена более широкая компетенция. Например, суды шести специальных строителей (№ 859, 865 и др.) рассматривали не только уголовные, но и гражданские дела.

Кадровое обеспечение пенитенциарных судов являлось недостаточным. Данный вид службы не считался престижным, несмотря на более высокое денежное содержание сотрудников.

В 1946 г. среди оперативных работников лагсудов преобладали мужчины (97%), члены и кандидаты в члены ВКП(б) — 97.7%; по национальности — русские (75.3%). По юридическому образованию эти кадры распределялись: среднее (юридическая школа) — 39.5%, юридические курсы — 24.6%, высшее образование — 19.4%, без юридического образования — 16.4%²⁹. В июне 1948 г. руководитель Управления по делам лагерных судов С. Пашутина заявила: «У нас очень плохо с кадрами. Те судьи, которые имеются на сегодня, процентов на 20 должны быть сменены»³⁰.

Улучшить кадровые показатели удалось лишь в ходе проведения кампании по избранию судей специальных судов 1948—1949 гг. В итоге в системе пенитенциарной

²⁵ См.: ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 86. Л. 10.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 367. Л. 50—53; см. также: Козинцев А.Я., Шкаревский Д.Н., Яноши В.В. Органы специальной юстиции СССР в 1930-е — 1950-е гг. Сургут, 2016. С. 169, 170.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15. Л. 53.

²⁸ См.: Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р.-1410. Оп. 4. Д. 6. Л. 3.

²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 5. Л. 81.

³⁰ См.: там же. Оп. 1а. Д. 515. Л. 204.

юстиции более чем в два раза снизилась доля лиц без юридического образования (до 6.6%). Выросло число работников с высшим (до 24.7%), средним (до 36%) юридическим образованием, с курсовой подготовкой (до 31.3%)³¹. Основным источником обновления кадрового состава лагерных судов послужили иные органы советской юстиции. Интересен факт, что в ходе данной кампании повышение по службе получили лишь 17 судей, или 7.7%. Таким образом, руководство государства не рассматривало судей лагерных судов в качестве кадрового резерва для выдвижения на руководящие должности.

В течение своего существования (1946–1956 гг.) лагерными судами были осуждены 201 033 человека, или 0.6% от всего количества осужденных. Наибольшее число осужденных приходится на 1946–1952 гг. — 171 806 человек, или 1.1% (в среднем 24 544 человека в год). Наименьшее число — на 1953–1956 гг. — 29 227 человек, или 0.6% от общего количества осужденных (в среднем 7307 человек в год).

Количество поступивших уголовных дел в органы пенитенциарной юстиции и количество осужденных ими распределяется на три основных периода.

Первый (1945–1947 гг.) этап роста, расширения компетенции, увеличения их количества и осужденных лагсудами. Число уголовных дел увеличивается с около 5000 в 1945 г. до более чем 25 000 в 1947 г., а количество осужденных с более чем 22 000 в 1946 г. до более чем 29 000 в 1947 г.

Второй период (1948–1950 гг.) этап стабилизации, устойчивого развития. Компетенция на данном этапе меняется не значительно, количество поступивших дел — достаточно устойчиво и колеблется в пределах 22 780–24 342, а численность осужденных — от 26 312 до 29 475 человек.

Третий период (1951–1954/1959 гг.) этап сужения компетенции пенитенциарных судов, уменьшения их количества и числа рассматриваемых дел (с 16 795 в 1951 г. до 4192 в 1954 г.; 5604 в 1956 г.). Количество осужденных ими также снижается с 19 778 в 1951 г. до 5433 в 1954 г.; 7400 в 1956 г.³²

Таким образом, судя по числу поступления дел в пенитенциарные суды, объемы их работы за 1948–1954 гг. снизились в 5.8 раза, а по количеству осужденных — в 5.4 раза.

Управление по делам лагерных судов вплоть до начала 50-х годов давало негативную оценку подведомственным учреждениям. Интересны формулировки, которые при этом использовались. Так, в мае–июне 1948 г. в ходе Всесоюзного совещания председателей лагерных судов С. Пашутина заявила: «Некоторые судьи до сих пор *пренебрежительно относятся к требованиям закона*, ошибочно полагают, что в системе лагерных судов *не обязательно строго и точно соблюдать правила уголовного процесса*; среди части судей *наблюдается крайне не серьезное отношение к вопросу предания суду в подготовительном заседании*, а также *поверхностное исследование материалов дела*»³³. В начале 50-х годов, после обновления кадрового состава судей пенитенциарных судов, оценка их деятельности данным ведомством изменилась в лучшую сторону.

Среди осужденных в течение 1946–1956 гг. неуклонно увеличивалась доля заключенных — с 64.6% до 88%. Доля

военнослужащих, осужденных лагерными судами, неуклонно снижалась: с 29.3% в 1946 г. до 9.3% в 1954 г. и 3.1% в 1956 г. Доля осужденных *вольнонаемных* не была стабильной. Это явно говорит о проведении уголовно-правовых кампаний. В течение 1946–1956 гг. их доля среди осужденных пенитенциарными судами составляла от 6.1% до 18%. Максимальные значения приходятся на 1947 г. (18%), 1950 г. (16.6%), 1951 г. (17%). Минимальные значения пришлось на 1946 г. (6.1%) и 1954 г. (6.6%)³⁴.

Основными видами наказаний, выносимых пенитенциарными судами, были: лишение свободы на различные сроки, исправительно-трудовые работы (ИТР), смертная казнь. Их применение имело ярко выраженный регулируемый характер. Достаточно четко выделяются периоды ужесточения и некоторого смягчения.

Смертная казнь применялась в 1946–1947 гг. и в 1954–1956 гг. Общее количество казненных по приговорам пенитенциарных судов за эти годы составляло 1044 человека, или 0.5% от общего количества осужденных ими.

Динамика приговоренных к ИТР отражает систематическое ужесточение уголовно-правовой политики в 1946–1956 гг. Доля приговоренных к этому виду наказания снижается: с 14.7% в 1946 г. до 5.1% в 1953 г. В 1954–1956 гг. данный вид наказания не применялся.

Основной санкцией являлось лишение свободы на различные сроки. Применение лишения свободы на срок свыше 10 лет в 1946–1952 гг. непрерывно увеличивалось (с 0 до 18.7%). В 1953–1956 гг. наблюдалось снижение — с 16.1% до 5.8%. Таким образом, вплоть до смерти Сталина правоприменительная практика пенитенциарных судов характеризовалась ужесточением, а после — резким смягчением.

Широко применялось наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет. Динамика его применения была разнонаправленной. Имели место периоды роста (ужесточения): 1946–1949 гг. (с 14.9% до 27.3%), 1953 г. (27.9%); стабильного применения: 1950–1952 гг. (22.3–24%); снижения (смягчения): 1954–1955 гг. (16.7–14.1%). Аналогичной является и динамика применения лишения свободы на срок шесть — девять лет.

Применение лишения свободы на срок пять лет не было значительным. Доля осужденных к этому виду наказания составляла от 6.9% до 12%. Его применение имеет выраженные периоды: 1946–1948 гг. — снижение применения (с 10% до 7.1%); 1949–1953 гг. — рост (с 7.7% до 12%); стабильное применение — 1954–1956 гг.

Массовым было применение лишения свободы на срок ниже пяти лет. В первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) этот срок получало до половины всех осужденных данными судами. В дальнейшем (1948–1952 гг.) — около 30%, а в 1954–1955 гг. — половина и более. Исключением стал лишь 1953 г. — лишь 24.2% были приговорены к этому виду наказания.

Деятельность пенитенциарных судов сводилась к рассмотрению следующих категорий дел. По *делам о побегах, отказе от работы, членовредительстве* (ст. 58–14 УК РСФСР) за 1946–1953 гг. было осуждено 32 859 человек, или 16.7% от всех осужденных за данный период.

По *делам о хищениях государственного и общественного имущества* в 1946–1956 гг. было осуждено 32 078 человек

³¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 136. Д. 67. Л. 54–57.

³² См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15. Л. 54.

³³ См.: там же. Оп. 1а. Д. 523. Л. 18.

³⁴ См.: там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 58.

(15.9%)³⁵. По делам о бандитизме (ст. 59–3 УК РСФСР) – 16 359 человек (8.1%). Категория *дел о разбоях и грабежах* была немногочисленной (4793 человека, или 2.38%). По делам о хулиганстве было осуждено 7621 человек (3.79%).

Пенитенциарные суды также рассматривали *дела о контрреволюционных преступлениях* (ст. 58–10 УК РСФСР). В 1946 г. по этой статье Уголовного кодекса в лагерные суды поступило 1065 дел (5.3% от всего количества). По другим статьям о контрреволюционных преступлениях – 96 дел (0.5% от всех дел). При изучении дел о контрреволюционной агитации в 1946 г. было установлено, что 77.1% осужденных ранее уже отбывали наказание за контрреволюционные преступления, 30% из них были осуждены по ст. 58–10 два и более раза.

Эти органы юстиции рассматривали и *дела о трудовых преступлениях* (Указы от 26.06.1940 г. и 26.12.1941 г.). В 1946 г. их доля составляла 19.6% от всего количества³⁶. Среди дел, которые рассматривали пенитенциарные суды, были *дела о преступлениях сотрудников ВОХР* (до звания младшего лейтенанта). Их количество неуклонно снижалось: в 1946 г. было осуждено 8040 человек (100%), в 1954 г. – 1044 (14,8%), а за 9 месяцев 1955 г. – 664 человека (9,4%)³⁷.

Среди преступлений сотрудников охраны преобладали: нарушение устава конвойной службы и режима содержания заключенных (ст. 193–15, 193–16 УК РСФСР) – 40.6%; должностные преступления (ст. 193–17) – 11.6%; дезертирство (ст. 193–7 «г») – 10.2%; самовольные отлучки (ст. 193–7 «а», «б») – 4.1%; кражи – 9.9%, промотание казенного обмундирования – 2.7%; умышленное убийство – 1.5%; неявка в срок на службу – 1.4%; уклонение от несения обязанностей военной службы – 1.1%; контрреволюционная агитация – 0.6%; бандитизм – 0.3%; нанесение тяжких телесных повреждений – 0.4%³⁸.

Дела о досрочном освобождении заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом пенитенциарные суды рассматривали на основании т.н. директивы четырех – совместный приказ Министра внутренних дел СССР, Министра Государственной безопасности СССР, Министра юстиции СССР и Генерального прокурора СССР от 16 сентября 1946 г. № 00829/000360/0049/193сс.

Примечательно, что дела данной категории стали поступать в пенитенциарные суды до издания «директивы четырех». К сентябрю 1946 г. в лагсудах на рассмотрении уже находилось 3087 этих дел. К 1 февраля 1947 г. их количество составляло 19 380. Для их разрешения суды внедрили «практику массового рассмотрения дел, приемы рассмотрения дел “пачками”, рассмотрения дел заочно, без вызова в судебное заседание заключенных, представленных к освобождению, без участия прокурора»³⁹.

Итак, для правового регулирования деятельности органов пенитенциарной юстиции характерны: наличие «каучукового» законодательства и высокая степень секретности. Наиболее активный период деятельности органов

пенитенциарной юстиции приходится на 1946–1952 гг. (было осуждено более 170 тыс. человек).

Основную массу дел, ими рассматриваемых, составляли: дела о побегах, отказах от работы и членовредительстве, квалифицируемых по ст. 58–14 УК РСФСР (16.3%), о хищениях государственного и общественного имущества (15.9%), побегах, квалифицируемых по ст. 82 УК (11.2%), бандитизме (8.1%), кражах личного имущества (3.95%), о хулиганстве (3.79%), разбое и грабеже (2.38%), об умышленных убийствах (2.13%). Эти дела составляли более 60% от всех рассмотренных. Значительную категорию (около 40%) образовали т.н. прочие преступления. К ним относились дела о контрреволюционных преступлениях (ст. 58–10), преступления сотрудников ВОХР (или воинские преступления), трудовые преступления и др. Среди осужденных лагсудами наблюдается значительное сокращение доли сотрудников лагерей и систематическое увеличение доли заключенных.

Органы пенитенциарной юстиции находились в зависимости от руководства лагерей. Их деятельность вписывается в рамки советского кампанейского правосудия.

* * *

Итак, в течение второй половины 1930-х – середины 1950-х гг. в системе органов советской юстиции действовали различные судебные учреждения, рассматривавшие дела о преступлениях, совершенных в местах заключения. В отношении данных органов представляется возможным использовать термин «органы пенитенциарной юстиции».

Основными причинами их создания и функционирования являлись: большое количество заключенных, автономное положение ГУЛАГа, напряженная обстановка в местах заключения, слабость администрации этих мест. Система органов лагерной юстиции также служила дополнительным источником информации для центра о происходящем в местах заключения. Кроме этого, создание централизованной системы пенитенциарных органов юстиции было обусловлено стремлением Сталина обеспечить высокий уровень секретности в отношении любой информации о местах заключения и не допустить переход этой системы под контроль местных органов власти. Определенное влияние оказали и структурные преобразования в местах заключения конца 1930–1940-х гг. Появление новых автономных единиц в пенитенциарной системе требовало поддержания единой судебной практики. Однако в полной мере добиться этого не удалось, так как в течение всего рассматриваемого периода система органов пенитенциарной юстиции являлась асимметричной. Лагерные дела могли рассматриваться различными органами юстиции, в том числе народными судами. В системе пенитенциарной юстиции существовали суды с различным статусом.

Формирование данных органов происходило достаточно медленно и сопровождалось задержкой финансирования, недостаточным материально-техническим обеспечением их деятельности, конфликтами лагерных судов с лагерной администрацией и т.п. явлениями. В 30-е годы на их деятельность существенно повлияли чистки, проводившиеся среди сотрудников юстиции. В 40-е годы большое влияние оказали конфликты в центральном аппарате.

Представляется возможным выделить четыре основных периода в существовании органов пенитенциарной юстиции:

³⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15. Л. 60–67; Д. 111. Л. 7.

³⁶ См.: там же. Оп. 5. Д. 5. Л. 60об., 61 об.

³⁷ См.: там же. Оп. 1а. Д. 857. Л. 28.

³⁸ См.: там же. Оп. 5. Д. 5. Л. 26.

³⁹ См.: ОГАЧО. Ф. Р.-1410. Оп. 4. Д. 10. Л. 6.

1) 1934–1944 гг. — подготовительный этап оформления органов пенитенциарной юстиции, их существование в рамках органов общей юстиции;

2) 1945–1947 гг. — этап создания органов пенитенциарной юстиции в качестве специальных судебных органов, период роста, расширения компетенции, увеличения их количества и осужденных;

3) 1948–1950 гг. — этап стабилизации и их устойчивого развития;

4) 1951–1954/1959 гг. — этап сужения компетенции органов пенитенциарной юстиции, уменьшения их количества и числа рассматриваемых ими дел и их ликвидация.

Среди характерных черт их деятельности можно выделить следующие. Прежде всего их статус не был четко определен. В 30-е годы они относились к органам общей юстиции. В 40-е годы их отнесли к специальным органам. Это обеспечило им более высокий статус (выше, чем народных судов), а также более высокий уровень материального обеспечения сотрудников. Однако работа в органах лагерной юстиции не стала престижной. Они испытывали дефицит квалифицированных кадров. Их существование так и не было закреплено в действовавшем не секретном законодательстве.

Деятельность органов пенитенциарной юстиции соответствовала принципам советского лагерного правосудия и напоминала движение маятника. Достаточно четко прослеживаются основные уголовно-правовые кампании. Например, в 1947–1949 гг. — по борьбе с побегами (по ст. 58–14 УК РСФСР), в 1948 и 1950 гг. — по борьбе с разбоями и грабежом и др.

В существовании этих органов был заинтересован в первую очередь НКВД / МВД. Не случайно после смерти Сталина и передачи мест заключения из этого ведомства в Министерство юстиции наблюдается их ликвидация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмадеев Ф.Х., Катаев Н.А., Хабибуллин А.Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений: учеб. пособие. Уфа, 1993.
2. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х гг. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 360.
4. Козинцев А.А. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41–46.
5. Козинцев А.А., Шкаревский Д.Н., Яноши В.В. Органы специальной юстиции СССР в 1930-е — 1950-е гг. Surgut, 2016. С. 169, 170.
6. Кожеевников М.В. История советского суда. М., 1948.
7. Перлик М.И. Особенности привлечения к уголовной ответственности заключенных, участвовавших в массовых неповиновениях в исправительно-трудовых лагерях послевоенного времени // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2017. № 4. С. 129–132.
8. Самарин В.А. Противодействие внутрилагерному бандитизму и массовым беспорядкам в местах лишения свободы во второй половине 40–50-х гг. XX в. // Профессиональное образование и наука. 2020. № 1. С. 66–72.

9. Сидоркин А.И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950-е гг. // Lex russica. 2015. № 5. С. 99–109.
10. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008.
11. Федин С.А., Федина К.С. Из истории специальных лагерных судов в 1944–1954 гг. (по материалам архивов Астраханской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: материалы VII студенческой Междунар. заочной науч.-практ. конф. (24 января 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 37–44.
12. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 129, 130.
13. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 72.
14. Шкаревский Д.Н. Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг. // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 257–265.
15. Шкаревский Д.Н. Формирование лагерной юстиции в СССР в 1930-е годы // Государство и право. 2015. № 8. С. 107–109.
16. Berg G.P. von den The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.
17. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington, 1968.
18. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. No. 3. Vol. 46. P. 403–425.

REFERENCES

1. Akhmadeev F.H., Kataev N.A., Khabibulin A.G. Formation and development of the Soviet police and correctional labor institutions: textbook. Ufa, 1993 (in Russ.).
2. Ivanova G.M. History of the GULAG, 1918–1958: socio-economic and political-legal aspects. M., 2006 (in Russ.).
3. History of the Stalinist Gulag. The end of the 1920^s — the first half of the 1950^s. Vol. 1. Mass repressions in the USSR / res. ed. N. Vert, S.V. Mironenko. M., 2004. P. 360 (in Russ.).
4. Kodintsev A. Ya. Camp justice in the USSR // Penal system: law, economics, management. 2008. No. 2. P. 41–46 (in Russ.).
5. Kodintsev A. Ya., Shkarevsky D.N., Yanoshi V.V. Bodies of special justice of the USSR in the 1930^s — 1950^s. Surgut, 2016. P. 169, 170 (in Russ.).
6. Kozhevnikov M.V. History of the Soviet court. M., 1948 (in Russ.).
7. Perlik M.I. Features of bringing to criminal responsibility prisoners who participated in mass disobedience in correctional labor camps of the postwar period // Herald of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 2017. No. 4. P. 129–132 (in Russ.).
8. Samarin V.A. Counteraction to intra-camp banditry and mass riots in places of deprivation of liberty in the second half of the 40–50^s of the XX century. // Vocational education and science. 2020. No. 1. P. 66–72 (in Russ.).
9. Sidorkin A.I. Features of the fight against banditry in places of imprisonment in the 1930^s — 1950^s // Lex russica. 2015. No. 5. P. 99–109 (in Russ.).
10. Solomon P. Soviet Justice under Stalin. M., 2008 (in Russ.).
11. Fedin S.A., Fedina K.S. From the history of special camp courts in 1944–1954 (based on the materials of the archives of the Astrakhan region) // Scientific community of students of the XXI century. Social Sciences: materials of the VII Student International correspondence Scientific and Practical Conference (January 24, 2013). Novosibirsk, 2013. P. 37–44 (in Russ.).

12. *Khlevnyuk O. V.* Politburo. Mechanisms of political power in the 30^s. M., 1996. P. 129, 130 (in Russ.).
13. *Shirokov A. I.* Dalstroy: prehistory and the first decade. Magadan, 2000. P. 72 (in Russ.).
14. *Shkarevsky D. N.* Special collegiums in the Soviet judicial system of the second half of the 1930s. // Questions of history. 2020. No. 3. P. 257–265 (in Russ.).
15. *Shkarevsky D. N.* Formation of camp justice in the USSR in the 1930^s // State and Law. 2015. No. 8. P. 107–109 (in Russ.).
16. *Berg G. P. von den* The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.
17. *Conquest G.* Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington, 1968.
18. *Gorlizky Y.* Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. No. 3. Vol. 46. P. 403–425.

Сведения об авторе

ШКАРЕВСКИЙ Денис Николаевич —
кандидат исторических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
Сургутского государственного университета;
628400 Тюменская обл., г. Сургут,
пр-т Ленина, д. 1

Authors' information

SHKAREVSKY Denis N. —
PhD in History, associate Professor of the
Department of Theory and History of State and
Law, Surgut State University; 1 Lenin ave.,
628400 Tyumen Region, Surgut, Russia